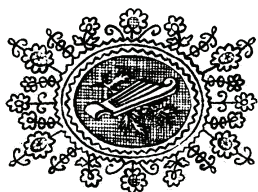

Архивные материалы

Научный архив КарНЦ РАН

Фонд 1, опись 32, документ 179. Макарьев С. А. Карельское кантеле, 1934.

Фонд 1, опись 32, документ 180. Виноградов Н. Изобретение кантеле (по старым и новым рунам «Калевалы»), 1934. Вайсанен А. О. Вепсское кантеле, 1934.

А. А. Гаджиева
Санкт-Петербург

**Кантелевидные инструменты
в собрании Российского этнографического музея**

Поиск этнографических реалий фольклорных текстов побуждает обращаться к музейным коллекциям, сохранившим подлинники, синхронные экспедиционным исследованиям Э. Леннрота и времени создания «Калевалы», а порой и более старые образцы. Однако работа с этой группой источников затруднена как спецификой самого материала (его фрагментарностью, слабой документированностью), так и отсутствием базы данных о количестве дошедших до нас предметов, местах их хранения, степени изученности. Вещевые коллекции разрознены, рассредоточены по учреждениям разного профиля; многие экспонаты зарегистрированы формально. Информация об отдельных памятниках, не всегда достоверная, рассеяна по немногочисленным статьям в малотиражных изданиях. Каталоги [Гусли 2003]¹ и карты [Тынурист 1977: 25]² — единичны, библиография и историография — не разработаны. В таких условиях музейный памятник зачастую оказывается гораздо менее информативным, чем должен быть.

¹ См также: [Маслов 1909: № 5–12] — фотографии и морфологические описания кантеле, поступивших в Дашковский этнографический музей (ДЭМ) до 1904 г.; [Атлас 1963] — первое издание содержит, кроме фотографий и общей информации, сведения о месте хранения экспонатов (без указания паспортных данных); [Старая Литва 2009] — 4 инструмента РЭМ с подробными легендами.

² Учтены только крыловидные гусли и кантеле с открылком.

Собрание Российского этнографического музея насчитывает более 60 образцов рассматриваемого типа и охватывает период с начала (?) XVIII в. до конца XX. Комплектовалась коллекция на протяжении более чем 140 лет³ разными путями: половину ее составляют экспедиционные сборы сотрудников и корреспондентов музея; приблизительно по четверти приходится на приобретения у частных коллекционеров и передачу из других учреждений. В коллекции немало уникальных памятников, собранных известными исследователями.

Коллекция охватывает территорию от Кемского уезда на севере до Себежского и Понежского на юге, от г. Корчева на востоке до островов Вормс и Даго на западе и включает в себя памятники разных типов: архаичные, долбленные из цельного куска дерева, малострунные инструменты⁴, усовершенствованные составные многострунные образцы⁵, а также промежуточные версии. Коллекция не опубликована; до недавнего времени многие памятники не имели точной паспортизации и были известны ограниченному кругу исследователей. В течение последних десяти лет удалось идентифицировать ряд экспонатов (источник и дата поступления памятника в музей, время и место сбора, этническая атрибуция и т. д.)⁶, но многие вопросы еще остаются открытыми.

Анализ состава коллекции показывает, что собиратели ориентировались, в первую очередь, на редкие, выходящие из бытования образцы. Именно памятники этой группы составляют основу коллекции; значительно меньше внимания уделялось инструментам типичным. Отсутствуют данные о степени распространенности инструментов, о местах их изготовления и бытования; как правило, нет сведений о человеке, изготовившем инструмент. Так, например, в начале XX в. двумя корреспондентами музея — учителями А. В. Лесковой и А. А. Киселевым были собраны этнографические коллекции по вепсам в Тихвинском уезде Новгородской губ. При этом Лесковой не удалось обнаружить не только сам инструмент, но даже и упоминания о нем [АРЭМ 372; 373], в то время как Киселев прислал шесть памятников

³ С учетом переданных из Москвы в 1948 г. коллекций Музея народов СССР, наследовавшего, в свою очередь, собрание бывшего ДЭМ.

⁴ С деревянными струнодержателем и колками, жильными и веревочными струнами; без понсо, открылка, пружин или подставки с порожком.

⁵ С металлическими шпеньками, колками и струнами; с пружинами, порожками и подставками.

⁶ Об истории комплектования коллекции и атрибуции памятников: [Гаджиева 2009].

из д. Корвала [АРЭМ 322]. По ряду причин зарегистрирован был только один экспонат⁷; а так как собиратель сообщил только название инструмента (гусли — стрибунник), атрибутировать остальные почти нереально.

В редких случаях возможно восстановление истории бытования предмета по его конструктивным особенностям. Например, А. А. Ивановым в с. Кестеньга Кемского уезда был приобретен «кантэлэх». Никакой информации о памятнике собиратель не сообщил. Инструмент выдолблен из цельного куска дерева снизу; открытый; имеет пять колковых и шесть резонаторных отверстий. Из пяти колковых отверстий реально использовались только три (два отверстия не притерты, следовательно, в них никогда не ставили колков). Четыре проколотых резонаторных отверстия сгруппированы в четырехугольник вокруг пятого (композиция сдвинута к струнодержателю); шестое, высверленное, расположено около колков. Других украшений нет; струнодержатель — из кованого железного прутка. Дека сильно потерта, особенно посередине, что свидетельствует об активном использовании инструмента. Какую музыку можно исполнить на трех струнах? Очевидно, инструмент изготовлен для ребенка. Обучающая игрушка⁸!

Два памятника [РЭМ инв. № 6943 — 2; 3] из числа неатрибутированных, принадлежавших, предположительно, вепсам и ингерманландским финнам, могут быть интерпретированы как инструменты, изготовленные неопытными, начинающими музыкантами, возможно, подростками. Оба сработаны неловко, неумело, с большим количеством погрешностей. Первый — восьмиструнный — выдолблен снизу; открытый; с понсо и завитком; резонаторное отверстие — полуовальное. Струнодержатель — кованый железный гвоздь, струны — стальные. Дерево было выбрано неудачно: трещины пошли по корпусу еще в процессе изготовления. Вероятно, чтобы остановить рост продольной трещины⁹, мастер удалил боковую стенку корпуса вдоль колков. На лицевой стороне деки нанесены шесть (?) небольших кружочков¹⁰ (пять из них сгруппированы, как и на инструменте из с. Кестеньга, шестое — справа от названной композиции) и четыре косые короткие линии. Планировал ли мастер вырезать дополнительные

⁷ О судьбе коллекции: [Королькова 2004: 138—140].

⁸ Чтобы преобразовать инструмент во «взрослый», достаточно установить на нем две недостающие струны.

⁹ В этом случае корпус инструмента развалился бы надвое.

¹⁰ Изображения едва различимы.

резонаторные отверстия или просто украсил инструмент — остается загадкой. Инструмент весь покрыт надписями карандашом: арифметические действия с четырех- и пятизначными числами, а также фамилия «Егоров» и инициалы владельца.

Второй инструмент, девятиструнный, выдолблен сбоку (с узкого конца, отчего значительный массив остался невыбранным); открытый. Имеет 4 резонаторных отверстия (1 — крестообразное — в центре, вокруг — 3 мелких округлых); завиток (последний — сильно смещен). Струнодержатель — железная скоба, вбитая в узкий конец на лицевой стороне. Сохранилось 4 струны: одна — из веревки (самая длинная), две — жильные и одна — жильная с медной навивкой. Инструмент весь покрыт надписями химическим (?) карандашом; имеются два антропоморфных изображения¹¹. Инструмент стал раскалываться еще в процессе изготовления.

Оба экспоната демонстрируют, наряду с явными ошибками и неточностями, процесс освоения материала, формы, опыт решения поставленной задачи и преодоления трудностей. Учитывая факт активного и разнопланового использования рассмотренных памятников, вряд ли будет корректным отнести их к числу «неудачных». Правильнее определить их «пробными», потому что для молодого человека, делающего первые шаги в области инструментостроения, первый опыт — самый трудный.

В коллекции имеются и экспериментальные инструменты, например, памятник № 6943—5. Незвестный мастер сумел соединить, казалось бы, вещи несовместимые: сохранить традиционную конструкцию малострунного кантеле и добавить к ней элемент нового, усовершенствованного, многострунного. Кантеле выдолблено сверху, имеет понсо и завиток; крестообразное резонаторное отверстие в центре деки и четыре мелких круглых вокруг него. Понсо с трех сторон украшено резьбой: солярные круги, косые линии, косые кресты; на сохранившейся части деки процарапана звезда. Инструмент имел два ряда струн и, соответственно, два ряда колков (11 + 8) и два струнодержателя. Струн сохранилось восемь: две — из тонкой веревки, остальные — жильные, разной толщины. Очень качественная работа, но корпус не выдержал повышенной нагрузки и начал деформироваться; второй ряд струн и струнодержатель могли быть сняты с целью уменьшения напряжения. Неизвестно, сколько времени кантеле

¹¹ Надписи и изображения едва различимы.

использовалось с двумя рядами струн, но мастер (или музыкант) мог убедиться в том, что возможности традиционной конструкции не беспределельны.

Выдающийся собиратель, исследователь и пропагандист народных музыкальных инструментов, Николай Иванович Привалов, о некоторых памятниках своей коллекции, собранной в Санкт-Петербурге [Гаджиева, Кошелев 1998, 2002], сообщает: «доставлено игроком на нем, изготовившим и самый инструмент, крестьянином <...> губернии» [Привалов 1912]. Попав в Санкт-Петербург, многие из этих крестьян оказывались втянутыми в культурную жизнь столичного города, что порой влияло на их этническое самосознание [Гаджиева 2005]. Они совершенствовали свои инструменты, создавали «гусельные хоры»¹², ставшие чрезвычайно популярными в конце XIX — начале XX в. Исполнительское искусство наиболее ярких музыкантов (Ф. Артамонова¹³, П. Луриныша¹⁴, О. Смоленского¹⁵, Р. Рунина¹⁶, П. Квядаруса¹⁷ и других), а также их опыт по усовершенствованию инструмента Привалов внимательно изучал и результаты своего исследования опубликовал [Привалов 1908].

Исследовательская и собирательская деятельность Привалова в значительной степени носила прикладной характер: он искал инструменты, которые могли бы служить образцами — прототипами для реконструкции. Поэтому в коллекции Привалова было по два инструмента, изготовленных названными мастерами: один был у музыканта еще до его знакомства с исследователем, второй был изготовлен в ходе сотрудничества с Приваловым. Сотрудничество было самым разнообразным: иллюстрации к лекциям Привалова, выступления в концертах, занятия в бесплатных музыкальных классах при Городском попечительстве о народной трезвости, участие в музыкально-драматических кружках.

Сравнивая ранний экземпляр инструмента с поздним, обнаруживаем, что Федот Артамонов и Рудольф Рунинг¹⁸ в наименьшей степе-

¹² Нередко полиэтнические по своему составу.

¹³ Псковская губ. и уезд, Докатовская вол., д. Климово. Об исполнительском искусстве Артамонова: [Привалов 1907].

¹⁴ Витебская губ., Лудзенский уезд, Нирзенская вол. О музыканте: [Приедите 1987].

¹⁵ СПб. губ., Гдовский уезд, Добручинская вол., д. Хворостово; о судьбе музыканта: [Кричевский 2001].

¹⁶ Лифляндская губ., Юрьевский уезд.

¹⁷ Ковенская губ., Поневежский уезд; публикация кункла П. Квядаруса: [Старая Литва 2009].

¹⁸ Вторые инструменты Артамонова, Луриныша и Рунина хранятся в Музее музыки (далее — ММ), СПб.

ни испытали влияние данной музыкальной среды. Федот Артамонов и в XX в. резал традиционные инструменты¹⁹, а Рудольф Рунинг изготавливал усовершенствованные каннели еще до знакомства с Приваловым²⁰. Осип Устинович Смоленский вместе с Приваловым сконструировал новые, оркестровые гусли²¹, а поздний инструмент Петериса Луриныша²² является своеобразной переработкой гуслей конструкции Привалова — Смоленского. Названные мастера за свою жизнь изготовили немало инструментов; какие-то из них могли сохраниться в коллекциях. Осип Устинович Смоленский делал также жалейки и рожки²³; Рудольф Рунинг и Петерис Луриныш были прекрасными столярами [Привалов 1908]. Для правильной оценки творческого наследия названных музыкантов, а также тех, чьи имена не были зафиксированы собирателями, для понимания их роли в развитии кантелевидных инструментов XX в. необходимо предпринять поиск таких памятников и информации о них. Нужно составить указатели вещевых коллекций, фото- и документальных материалов; восстановить имена и биографии мастеров и музыкантов.

Сравнительный анализ памятников, соотнесение их с фактами биографии мастеров позволят приблизиться к пониманию соотношения этнического и надэтнического в истории инструмента и ответить на вопросы: является ли этническая самоидентификация этнофора постоянной или она может меняться в связи с изменением условий

¹⁹ Гусли: РЭМ Инв. № 6944-2; ММ Инв. № X-394 (второй памятник опубликован в качестве анонимного [Гусли 2003: 87–88]). Оба инструмента — девятиструнные, долбленные сверху, с открылком $\approx 1/3$; мелкие круглые резонаторные отверстия группируются в круг (во втором инструменте два таких круга); колки — деревянные, вставлены снизу.

²⁰ Каннели: РЭМ Инв. № 6795-5 и ММ Инв. № X-546; оба инструмента относятся к типу цитрообразного каннеля.

²¹ Традиционные гусли существенно отличаются от усовершенствованных, введенных в Великолукский оркестр: это инструмент девятиструнный, долбленный сверху, с открылком $\approx 1/3$ (в открылке — полукруглая выемка для удобства левой руки); мелкие круглые резонаторные отверстия группируются в концентрические круги и лучи; колки из металлического прутка, с загнутой в кольцо рукояткой, вставлены сверху (РЭМ Инв. № 5581-6).

²² РЭМ Инв. № 6795-2 (девятиструнный, долбленный сверху, с открылком $\approx 1/3$, с одним круглым резонаторным отверстием в центре деки; колки — деревянные, вставлены снизу); ММ Инв. № X-548.

²³ В РЭМ сохранились три его жалейки и один рожок; инструменты, переданные в Музей музыки, пока не атрибутированы. Велика вероятность бытования гуслей работы Артамонова и Смоленского у сету; такие инструменты могут находиться в музеях Эстонии.

жизни? Как это происходит? Как меняющееся самосознание проявляет себя в творчестве мастера? Поисковая работа требует объединения усилий многих учреждений, специалистов разного профиля — ученых-теоретиков и исполнителей-практиков из разных стран Северной Европы. Автор верит, что международная конференция «„Калевала“ в контексте региональной и мировой культуры» станет идейным вдохновителем таких исследований.

Литература

АРЭМ 372; 373 — Рукописный Архив Российского этнографического музея. Ф. 1, оп. 2, д. 372; 373.

АРЭМ 322 — Ф. 1, оп. 2, д. 322, л. 10 об. § 19 и л. 22 об. § 2.

Атлас 1963 — Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1963.

Гаджиева 2009 — Гаджиева А. А. Крыловидные гусли/кентелевидные инструменты в собрании РЭМ: новые факты // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий-2: Третьи Шегреневские чтения. Сб. статей. СПб., 2009 (в печати).

Гаджиева 2005 — Гаджиева А. А. «Собрание народных русских музыкальных инструментов» Н. И. Привалова: к проблеме этнической атрибуции музейного памятника // Тезисы докладов VI Конгресса этнографов и антропологов России. СПб., 28 июня — 2 июля 2005 г. С. 402.

Гаджиева, Кошелев 1998, 2002 — Гаджиева А. А., Кошелев В. В. По следам коллекции Н. И. Привалова (опыт реконструкции уникального собрания). Очерк 1-й // Из истории коллекционирования музыкальных инструментов (к 150-летию со дня рождения барона К. К. Штакельберга). СПб., 1998. С. 25—29; Очерк 2-й // Музыка Кунсткамеры. Материалы Первой инструментоведческой научно-практической конференции. СПб., 2002. С. 115—118.

Гусли 2003 — Гусли — русский народный музыкальный инструмент. Каталог выставки (4—5 ноября 2003 г. СПб., Фольклорно-этнографический центр). СПб., 2003.

Королькова 2004 — Королькова Л. В. Из истории формирования вепсского собрания Российского этнографического музея // Этнографический источник. Материалы Третьих Санкт-Петербургских Этнографических чтений. СПб., 2004. С. 138—140.

Кричевский 2001 — Кричевский В. Гусли, люди, судьбы... // Гусли. Альманах для концертных исполнителей и педагогов. Вып. II. Псков, 2001. С. 37—41.

Маслов 1909 — Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском Этнографическом Музее в Москве. Составил А. Л. Маслов. М., 1909.

Привалов 1908 — Привалов Н. И. Звончатые гусли на Руси // Музыка и пение. 1908. № 7, 8, 10.

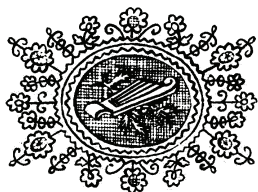
Привалов 1907 — Привалов Н. И. Псковский гуслиар Федот Артамонов // Русская музыкальная газета. 1907. № 43.

Приедите 1987 — Приедите И. Общественно-культурные организации латышей-латгалцев в Петербурге // Этнография Петербурга—Ленинграда. Л., 1987. Вып. 1. С. 28—29.

Старая Литва 2009 — Старая Литва: Альбом-каталог. К 1000-летию первого упоминания Литвы. Вильнюс; СПб., 2009 (в печати).

Тынурист 1977 — Тынурист И. В. Где во гусли звонили? (Опыт картографирования народных музыкальных инструментов) // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С. 16—29.

Тынурист 2002 — Тынурист И. Эстонский цитрообразный каннель в качестве русского народного инструмента // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцовом регионах. СПб., 2002. С. 77—86.

Н. С. Михайлова
Петрозаводск

**Традиционное кантеле:
мифы «Калевалы» и реальность**

Образ кантеле — традиционного музыкального инструмента карелов и финнов — нашел отражение в эпической поэме «Калевала» Э. Леннрота. Этиологические мифы, включенные в произведение, имеют тесную связь с исторической действительностью. Они отражают процесс изготовления, основные конструктивные особенности инструмента, некоторые способы и приемы игры. Сопоставление материалов эпической поэмы с органологическими и этнографическими данными¹ позволит проследить отражение исторической реальности в «Калевале» Э. Леннрота.

¹ Основой данного исследования послужили записи, сделанные в первой трети XX в. финским фольклористом А. О. Вайсяненем в Северном Приладожье и сотрудником КНИИ В. П. Гудковым в Пряжинском и Петровском р-нах Карелии, а также собственные экспедиционные материалы автора, собранные в 2000 г. во время комплексной экспедиции в Суоярвский и Пряжинский р-ны Карелии.